

Коммуникативное пространство религиозных организаций и политической системы в России

К.А. Багаева

Бурятский государственный университет

Улан-удэ, Россия

ksyusha.81@mail.ru

В статье рассмотрены взаимоотношения государства и конфессий в современном российском обществе. Автор указывает на проблемы в государственно-конфессиональных отношениях. Анализ данных отношений показал необходимость изменений, которые должны основываться на принципе светскости

Ключевые слова: *государство, общество, религия, конфессия, религиозные организации, принцип светскости, ислам, буддизм, православие.*

Communicative space of religious organizations and political system in Russia

K.A. Bagaeva

Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

The article deals with the relationship between the state and religions in modern Russian society. The author points to the problems in the state-confessional relations. Analysis of these relations showed the need for changes that should be based on the principle of secularism.

Keywords: *state, society, religion, confession, religious organizations, the principle of secularism, Islam, Buddhism, Orthodoxy.*

Современные мировые тенденции постсекулярности привели к тому, что изменились место и роль религии в обществе, обусловившие трансформацию государственно-религиозных отношений. Процесс демократизации государственной и общественной системы в России, начавшийся на рубеже 80–90-х гг. прошлого века, в полной мере захватил и сферу религиозной жизни, привел к возникновению в стране принципиально новой религиозной ситуации. Показателем коренного изменения отношения государства к религиозному вопросу стало принятие федеральных законов «О свободе вероисповедания» (1990 г.), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.). Существенные перемены в отношении к религии произошли и в общественном сознании. Массовый рост интереса к религии как социальному и культурному явлению, изменение оценки исторической роли религиозных организаций, повлекли за собой рост доверия к ним со стороны общества. Важным показателем изменения отношения общества к религии стал существенный рост религиозности населения и увеличение численности религиозных организаций в конце XX в. Если в 1992 г. в России было зарегистрировано 4 846 религиозных организаций, то уже к 1995 г. их число достигло 11 532, в настоящее время их уже 30 193 (данные на 18.04.2018 г.). Уровень религиозности в целом по России возрос приблизительно с 20% в 80-х гг. XX в. до 50–80% (в зависимости от региона) в первом десятилетии XXI в. Религия становится одной из важных сфер, поэтому религиозные организации начинают взаимодействовать с

остальными сферами. Значительно изменилось и отношение к религии и конфессиям нерелигиозной части населения России. Укрепляется мировоззренческая и религиозная терпимость, более объективное отношение к роли религии в истории, интерес к религии как культурному явлению. Согласно опросу, проведенному Левада-центром 12–15 февраля 2016 г. более половины россиян 56% сегодня удовлетворены отношениями светского и религиозного, однако в то же время 31% респондентов считают, что российские власти должны руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями, 24% – что Церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений [1].

В течение последнего десятилетия XX в. изменилась структура конфессионального пространства России. К началу 90-х гг. она была представлена чуть более чем 20 религиозными традициями, в настоящее время в стране более 60 вероисповеданий. Такое многообразие сформировалось в основном за счет трех потоков: – выхода из подполья и возобновления деятельности гонимых вероисповеданий; – расколов в традиционных религиях России; – активной миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций, проникновения в страну новых религиозных движений. При этом усложнение конфессионального пространства происходит в последние десятилетия в большинстве стран мира. Таким образом, процессы, происходящие в России, представляют собой объективно обусловленную мировую тенденцию, хотя они неоднозначно оцениваются обществом, властью, представителями традиционных религий тех или иных стран.

Рассматривая специфику отношений светского и религиозного в конце XX века, следует указать, что тогда в религиозном пространстве возникли ряд противоречий, вызванных сложившимися в мире десекуляризационными тенденциями, в русле которых как бы вклинилось российское общество. Правда, эти тенденции десекуляризации сопровождалась историко-культурными и национальными особенностями. Чем и были вызваны такие результаты, в виде внутриконфессиональных противоречий, усиление Православной церкви. В исламе одной из проблем являются тенденции централизации, когда состав и территориальное расположение играют определяющее значение. На основе этнических, культурных и географических особенностей выделяются два вида ислама – северокавказский и поволжско-уральский, соответственно отношения с ними выстроены по-своему.

Создавшиеся мусульманские организации активно участвуют в политической жизни, возрождают религиозное образование, ищут модель организационного устройства общины. Кроме того, эти организации активно вовлечены в передел территорий влияния. Сегодня существует десятки мусульманских организаций (Центральное Духовное Управление Мусульман России, Совет муфтиев России и другие). Отсутствие единства мусульман и такое количество различных организация свидетельствуют о том, что ислам в России этнически разнороден. Что становится одним из факторов возникновения межконфессиональных и внутриконфессиональных конфликтов.

Особая ситуация складывается и в российском буддизме, который также разнороден в этническом плане. Существующее организацион-

ное устройство буддизма – это результат длительной работы не ведет к его консолидации, а в большей степени становится дезинтеграционным фактором. Во многом, это связывается с грамотным подходом главы Буддийской Традиционной Сангхи России Хамбо-Ламой Д. Аюшеевым к отношениям с государством. Кроме того, следует отметить, что буддизм имеет в своей сущности модернизационный потенциал. Поэтому в сравнении с другими религиями органично влился в сложную структуру государственно-конфессиональных отношений. Буддизм отошел от этнической определенности и сегодня приобретает глобальный характер. Тем более, что политико-правовые условия способствуют распространению религиозных сообществ, в том числе буддийских.

Сегодня в условиях религиозного плюрализма за последователей идет конкурентная борьба. Поэтому, очевидно, РПЦ вступило в борьбу с «сектами», поскольку подчас они более привлекательны чем традиционные религии. Л.Н. Митрохин рассуждает по этому поводу, что культы – это никак не духовное возрождение России, поскольку для религии и самобытной культуры они несут разрушение [2].

Кроме того, отмечается, что усиливаются тенденции прозелитизма. Допустим, ислам и буддизм не имеют практически пересекающихся точек на карте российского миссионерства. Тогда как православие и католичество или протестантизм во взаимоотношениях нередко доходят до открытой конфронтации. Хотя недавняя встреча Главы РПЦ Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска 12 февраля 2006 г., говорит о потеплении в отношениях между католичеством и православием.

Существующие противоречия между государством и религиозными объединениями показывают что эти отношения расплывчатые нет единого понимания государственно-конфессионального взаимодействия. В начале 2000-х годов была предпринята попытка создания концепции государственно-конфессиональных отношений. Во-первых, кафедрой религиоведения Российской Академии государственной службы при Президенте РФ (проект РАНГХС, июнь 2001 г.), во-вторых, институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции РФ (проект института, июль 2001 г.), в-третьих, историко-правовая комиссия РПЦ (проект комиссии, апрель 2003 г.) выдвинули свои концепции.

В указанных концепциях главной мыслью идет выделение традиционных конфессий и наделения их особыми правами. В рассматриваемых концепциях традиционность рассматривается как вклад в национальную самобытность. По мнению разработчиков последних двух концепций государственный подход к религиям должен осуществляться по признаку традиционности. Получается, что чем больше влияния религия оказала на историко-культурную самобытность, то имеет, соответственно, больше привилегий. Возникает закономерный вопрос, как быть с протестантизмом, который относится к нетрадиционным религиозным организациям, однако имеющий достаточно длительную историю, последователей и оказавший влияние на культуру в России.

Вопрос традиционности в правовом поле приводит к доминированию одной «традиционной» религии и возможности претендовать на роль государственной церкви. Однако, нельзя отрицать факто того, что другие

религии также оказали значительное влияние и сегодня занимают активную позицию. Например, ислам, будучи второй по численности религией в России имеет давнюю историю.

Поскольку вопрос «традиционности» конфессий является важным. Поэтому концепция должна основываться на философском мировоззренческом базисе, сочетая разработку эффективных механизмов реализации конституционного права на свободу совести, учитывать интересы всех религиозных организаций, их историко-культурную составляющую, современно положение, наконец, мировой опыт государственно-конфессиональных отношений. Важным является соблюдение принципа светскости, к которому сегодня обращаются лишь формально. Имеется в виду, что с одной стороны, есть свобода вероисповедания – гражданин выбирает ту религию, которую хочет. Но, с другой стороны, нивелируется при этом, принцип свободы совести, а именно отделение церкви от государства, школы от религии. Де-юре присутствует равенство религий, а де-факто – данный принцип нарушается.

Большая часть проблем в отношениях государства и религии возникает в сфере свободы вероисповедания. Отмечается особое отношение государства к некоторым конфессиям. Противоречие на лицо: Конституция РФ говорит о светскости государства: «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (Ст.14) [3], а в ФЗ «О свободе совести и о религиозных организациях» признает «Особую роль православия в истории России, в становлении ее духовности и культуры» [4]. Соответственно, РПЦ знает и выделяет свою особенность, что и прописано в «Основах социальной концепции, что «Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства. Она также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию» [5]. По существу, если РПЦ ожидает от государства определенного отношения, соответствующего ее положению, тогда можно сделать вывод о том, что в некоторой степени, православная церковь ставит себя выше других конфессий, либо стремится к статусу государственной религии. Для государственной церкви характерны такие особенности: получение материальной помощи от государства, участие в политической жизни, за церковь признается права собственности на широкий круг объектов, также обладает рядом юридических полномочий (регистрация брака, смерти, рождения). Важными аспектами является участие церкви в принятии должности главы государства и наделение церкви правами в области воспитания и образования. Такие черты государственной церкви выделяют А.В. Миронов и Ю.А. Бабинов [6]. На фоне этого присутствует достаточно жесткая позиция по отношению к новым религиозным движениям, открыто называемые сектами. Положение НРД еще больше усугубится в связи с введением так называемого «пакета Яровой». В ФЗ «О свободе совести и о религиозных организациях» появилась новая глава «Миссионерская деятельность», в ней говорится о дополнительных ограничениях миссионерской деятельности. Что существенно скажется на деятельности НРД в России, ограничит в праве выполнять миссионерскую, благотворительную и культовую деятельность.

Важной сферой воздействия на жизнедеятельность общества является политическая сфера, когда, благодаря прошедшим демократическим преобразованиям, у религии появилась возможность влиять на общественно-политические процессы. И такое возможно, несмотря на то, что руководители конфессий заявляют о своем следовании принципу светскости.

Религиозные организации или отдельные ее представители участвуют в политической жизни государства. Религиозные организации, рассчитывая на партнерство государства во многих областях, выполняют функцию легитимизации моральных ценностей. В последнее время церковь часто высказывается по вопросам межнациональных отношений, экономического и социального положения. Например, согласно опросу Левада-центра, проведенного 22–25 января 2016 г. деятельность Патриарха Кирилла одобряют 71% опрошенных [7]. Нельзя не заметить и активную позицию мусульманских организаций, которые также формируют социально-политическое пространство России и ее регионов.

Ренессанс ислама пришелся несколько позже, чем у православия, следствием которого, стала легализация ислама в том плане, что в советское время ислам был «подпольным». Сегодня ислам поликонфессионален и полиэтничен, более того, мусульманская идентичность выражается сильнее, чем какая-либо другая.

Говорить сейчас о существующем радикализме в российском исламе или, как его сегодня называют, ваххабизме, на наш взгляд, скорее всего, неверно. Поскольку в численном выражении они не очень многочисленны. «Как и прежде он наиболее заметен на Северном Кавказе. Однако, исламская оппозиция там атомизирована, не имеет единого центра, хотя способна наносить болезненные удары...» [8]. А среди мусульман татар и башкир вообще практически радикалы не замечены.

С другой стороны, исследователи высказывают мнения, что в результате кризисных явлений в социально-экономической сфере могут проявиться радикальные настроения. В частности, поддерживаемое нами мнение А. Малашенко по этому вопросу таково, что социальные противоречия могут стать тем толчком, который приведет к религиозному конфликту, и проявится он в исламском протесте [8].

Сегодня заметны тенденции выражения ислама в России, которые проявляются в проведении собственных конкурсов красоты, проведения кинофестиваля, создание магазинов для мусульман и многое другое. Нам кажется, что с одной стороны, это позитивное направление, выражающее особенности мусульманской культуры, ее достижения. С другой стороны, это вызывает некое неприятие у националистически настроенной части общества. Кроме того, это ведет к обособлению ислама, что в условиях поликонфессиональной России достаточно опасно. Понятно стремление мусульман к обособлению, поскольку в их глазах это ведет к самовоспитанию мусульман, из религиозной реализации. С другой стороны, это приведет к обособлению других религий – буддийской, православной или иудейской. В итоге, не приведет ли такая тенденция к созданию религиозных резерваций? Чтобы этого не произошло, мы думаем, мусульмане обязательно должны быть частью общероссийского общественно-политического процесса. Имеется в виду, что должны соблюдать Конституцию РФ, которая дает возможность соблюдать мусульманские обычаи.

Это важно, потому что сегодня налицо выдвигание тарикатского направления ислама, который сегодня пользуются наибольшим успехом и спросом. Тут надо сделать пояснение: в России ислам представлен суннитским традиционным направлением, к которому относятся татары, башкиры; и есть еще суфизм, состоящий из нескольких братств, среди них наиболее влиятельное тарикаты, т.е. тарикализм, распространенный в Чечне, Ингушетии и Дагестане. Еще большую популярность это направление приобрело с появлением харизматичного Рамзана Кадырова. Кроме того, сегодняшняя политизация тарикализма прибавляет ему популярности.

В первое десятилетие существовавшая идея государства по созданию исламской вертикали сегодня не актуальна, поскольку стало ясно, что это не есть правильный путь в выстраивании отношений государства и ислама. Сегодня государство осознает, что ислам разнороден и от него невозможно требовать какого-то одного руководителя. Это подтверждается наличием внутри мусульманских организаций противоречий и конфликтов.

Подытоживая вышесказанное о двух наиболее многочисленных религиях, следует отметить, что государство сегодня в отношениях с ними находится на уровне начального выстраивания отношений. Отмечается политическая ангажированность обеих религий, кроме того, они активно вовлечены в светскую деятельность. А государство не в состоянии показать лояльность обеим. Это выражается в том, что например, для строительства мусульманских мечетей нужно неформальное разрешение от РПЦ [8]

Р. Гайнутдин считает, что для государственно исламских отношений сегодня характерна ситуация практического отсутствия религиозной политики, анализа ситуаций [9]. Однако, мы считаем, что все-таки ислам – это не угроза для России, у него нет ни перспектив, ни оснований стать государственной или доминирующей религией. Вопросы, поднимаемые мусульманскими организациями, связаны с культурным возрождением, подтверждением идентичности и решаются они в рамках светской государственности. Если РПЦ, начиная с Петра первого, превратилась в чиновничий аппарат, представляя собой вертикаль, то исламские лидеры более разобщены, такая же ситуация сегодня сложилась и с буддийскими организациями. Поэтому лидеры этих конфессий выступают чаще всего в качестве политиков, лоббирующих интересы своей организации. Государство имеет четкую задачу не допустить превращения мусульманских, буддийских или иных религиозных организаций в чиновничью структуру.

Поэтому в качестве мировоззренческой основы, которая должна составлять основу государственно-религиозных отношений должен быть принцип светскости, проявляющийся в стремлении уменьшить влияние религии на политику, экономику, образование. Тем более, что в России уже выработан подсознательный опыт толерантного существования религий, заложенный историко-культурной традицией. Итак, главная тенденция, наблюдающаяся в государственно-религиозных отношениях – это сохранение роли православия в России, которая должна перейти в перспективу равенства и мирного взаимодействия всех конфессий.

Литература

1. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2/>
2. Митрохин Л.Н. Нетрадиционные религии в посткоммунистической России (материалы круглого стола) / Л.Н. Митрохин // Вопросы философии, 1996. № 12. – с. 30.
3. Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>
4. Электронный ресурс Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/
5. Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Электронный ресурс. Режим доступа <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (Дата обращения: 11.08.2016 г).
6. Миронов А.В., Бабинов Ю.А. Основы религиоведения. Государственно-церковные отношения / А.В. Малашенко, Ю.А. Бабинов // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. – с. 106.
7. Электронный ресурс Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2>
8. Малашенко А.В. Ислам в России: религия и политика / А.В. Малашенко // Исламоведение в России. 2010. № 3 – с. 72
9. Вестник Института Кеннана в России. Вып.15. – М. – 2009. – с. 85.

Коммуникативный потенциал православных братств в современном обществе (на примере кейса православного Преображенского братства)

М.В. Шилкина

*Свято-Филаретовский православно-христианский институт,
Москва, Россия
mvshilkina@gmail.com*

Настоящая статья посвящена анализу форм внутренней и внешней коммуникации неприходских православных братств. В основе неприходских братств лежит единство их членов, определяемое внутренними факторами, такими трудно вербализуемыми, как общение и служение. Раскрыв содержание этих форм церковной жизни, автор показывает, как они определяют коммуникационный потенциал неприходских православных братств. Внешняя коммуникация показана не только как общение братства с другими субъектами церковной и общественной деятельности, но прежде всего как служение неприходских братств катализатором коммуникации между собою других субъектов. В статье утверждается, что в современной Русской православной церкви именно неприходские братства обладают наибольшим коммуникационным потенциалом по сравнению с другими церковными институтами.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православные братства, неприходские братства, внутрицерковная коммуникация, церковно-общественная коммуникация